

ДОРОГОЙ товарищ Макаров! Как всегда, автору хочется задать своему критику по статье тысячу и одно «почему».

Например, почему слова одного из второстепенных героев, чье поведение никак нельзя назвать образцом, Вы возводите в кредо автора на искусство целиком, тогда как они сказаны по частному случаю?

Почему Вам показалось, что мой главный герой «следует заветам своего смиренного наставника», недаровитого, примитивно понимающего искусство Саввы Ильича? Не опровергается ли это всем ходом событий, не заблуждение ли?..

Почему?.. Впрочем, этих «почему» — тысячи. И, наверное, многие из них будут носить личный характер, не так интересны для других. У Вас такой взгляд, у меня иной, мы имеем право по-разному глядеть на частности.

Но вот Вы упрекаете меня, что вопрос мировоззрения оказался не в центре внимания автора. Невниманием к взглядам общества, пренебрежением к ним — серьезный упрек. Вся беда, что Вы пользуетесь столь поверхностными доказательствами, что у меня невольно зародился вопрос: «А так ли, как я, понимает товарищ Макаров суть мировоззрения?»

Разность взглядов на мировоззрение внутри одного общества — явление настораживающее. Понять это, разобраться внимательно — представляет интерес для всех. Поговорим?

В РОМАНЕ идет спор об искусстве. Вы возмущаетесь в своей статье, что сторонник модернизма Милга не разбит окончательно в споре, а это так, на Ваш взгляд, просто. Вы даже подсказываете — как. Стоило сказать, что его довод — разрешите процитировать — «...не нов, он принят на вооружение идеологами буржуазного искусства, он своего рода ширма, которой реакция прикрывает истинную сущность и назначение такого искусства, ставящего целью духовное разведение людей, разложение их сознания и воли к борьбе за свободу и будущее человечества». Стоило только так сказать, как Милга — на лопатках, абстракционизм и иже с ним буржуазные течения посрамлены. Истина восторжествовала! Но вот беда, для вдумчивого человека, каких бы он взглядов ни придерживался, такие доказательства — набор общих фраз.

Именно потому, что мой герой так не сказал, с завидной легкостью не отшил «циника» Милгу (право, он сложнее, чем циник), Вы обрушиваетесь: «Обидно, что

ПИСЬМО КРИТИКУ

ясно и четко вопрос о мировоззрении художника главный герой романа перед собою не ставит».

Не сумел четко ответить, ясно возразить, в этом Вы видите ущербность мировоззрения? Уж не кажется ли Вам, что мировоззрение может ограничиться декларацией? Проявление его в жизни куда сложнее — это и поступки, и поиски, анализ и обобщения, это руководство в поведении человека. Именно я и исходил из таких принципов, строя образ моего героя. И Вы не упрекните его, что он клянул на удачку Милги, — вся деятельность моего героя противоречит этому.

ЯСНО и четко стоит только знать, зазубрить это мировоззрение, — и все в порядке, герой романа был бы на высоте, а автор вместо упреков удостоился бы похвалы. Ясно и четко знать, применять при случае... Невольно создается впечатление, что мировоззрение есть нечто заданное раз и навсегда, нечто окостеневшее, неподвижное.

Азбучная истина — мир развивается, беспрестанно изменяется, а значит, и мировоззрение, то есть «обобщенная система взглядов на мир», непременно претерпевает развитие и изменение, иначе оно бы рано или поздно оторвалось бы от действительности, оказалось ложным. Для нас незыблемы лишь диалектические приемы в познании, материалистический подход к миру.

Вы против этого? Думается, что нет. А раз так, то и Ваше требование непреложной ясности и четкости, простите, противоречит диалектике, оно метафизично. В изменчиво текущем мире всегда будет появляться что-то новое, непознанное, неясное до конца. Движение от непознанного к познанному, собственно, и знаменует развитие человека. Когда окажется, что познавать нечего, человек перестанет быть разумным существом, встанет на четвереньки.

ВЫ пишете: «...Всмотримся и мы в рисунок Чернышева — на нем разрушенные баррикады, и над поверженным — не враг, не идейный противник, а

темный и тупой ванька, который сам не ведает, что творит». Слово «разрушенные» Вы жирно выделяете — вот, мол, наглядный пример, где проявляется авторское отступничество от нашего мировоззрения. Если б баррикады не были разрушены, а революционер не лежал бы на мостовой ничком, стоял с гордо поднятой головой, — это, на Ваш взгляд, утверждало бы наше мировоззрение. Не возражаю. Утверждало бы и это, и то, что нарисовал Чернышев. Революционный процесс сложен и многообразен, в нем были и радость героических побед, и горечь поражений. Но если мы будем обращать внимание на героинку и только на нее, не замечать, не анализировать поражений, то наше понимание революции будет неполным, а мировоззрение в этом плане ущербным. «Темный и тупой ванька», что скрывать, сыграл свою роль в нашей революционной истории — он в годы голода и разрухи прятал хлеб, шел в кулацкие банды, в начале коллективизации подпевал кулакам, порой, исполняя их волю, стрелял из-за угла в наших активистов, в Отечественную войну он становился полицаем или таскал винтовку в армии Власова. Уж если отображать историю, то не следует проходить мимо «ваньки». Руководствуясь Вашим мировоззрением, наверно, следовало бы изъять из сокровищницы литературы такие произведения, как «Разгром» и «Тихий Дон». В первом — «разрушенные баррикады», во втором — Григорий Мелехов, колоритный, сложный, глубокий, но в политическом отношении один из «ваньек». Насколько беднее было бы наше искусство, если б художник прислушивался к таким голосам.

ВЫ считаете: «Позиция Материна — быть выше жизненных неурядиц, возвыситься над схваткой...» В чем это видно? Оказывается, он махнул рукой на деревню. «Дала» она ему от родной матери поэтическую душу, от отца жажду исканий и упорство, помогла в лице старого учителя понять свое жизненное призвание, — и прощай, Ма-

тёра: больше ничего ни от тебя взять, ни тебе дать твой сын не может». «Прощай», — а он все-таки ездит в Матёру, работает в колхозе, даже Вы признаете, что задумывается о деревне. Но... «задумывается на минутку — и уйдет с головой в свою работу», а деревня без Федора хиреет. Этим соболезнованиям предшествуют слова: «Оставим в стороне вопрос о культе личности — ничего они (Материн и Золушкин. — В. Т.) тут сделать не могли...» Получается странное впечатление: с вопросом культа личности герою сделать ничего нельзя, а вот вопрос деревни ему под силу. Не слишком ли многого хотите от моего скромного героя? Проблема сельского хозяйства, Вам известно, не из легких, она даже не под силу искусству, только общество может с нею справиться. Чем должен был помочь деревне мой герой? Бросить институт, забыть живопись, уйти в колхоз? Не разумно. Общество стремится использовать каждое проявление таланта по назначению. Разумней всего сделать то, что Вы почему-то осуждаете, — уйти с головой в свою работу, проявить себя в ней на благо людям.

Но вот беда, мой герой работает не так, как хотелось бы Вам, не по-Вашему. Как? Вы тут же услужливо подсовываете пример — Серов. Он рисовал острые caricatures, полные революционного пафоса, портреты тираноборцев, «буревестника революции» и пр. и пр. Велико мое уважение к этому художнику, но не смог бы заставить своего героя писать портреты тираноборцев по той простой причине, что их нет в наши дни. Серов жил в иной жизни, иные задачи стоят сейчас перед искусством. Как работать? Ответ не прост. Нужно искать, нужно вглядываться в новые проявления жизни. Матёрин в силу своих способностей ищет. И то, что он для новой картины нашел тему, как-то отражающую идею мира, не может быть упреком — «вышел», «над схваткой». Тема животрепещущая для всех нас и для деревни Матёры в том числе.

По Вашему мнению, через картину Федора я предлагаю некий образец для нашего искусства. «Нефертити — Дервиз с ребенком — картина Матёрина». Боже упаси, вольно же было Вам так думать. С первой картиной и сразу в законодатели при искусстве — это что-то из волшебной сказки. У меня просто первый успех начинающего художника, каких, наверное, много. Матёрину жить, жизнь вокруг него неизбежно станет развиваться; что-то отразить ее, придется вглядываться, искать новые способы ее раскрытия. Искать Матёрину, искать всем художникам, если они не захотят отстать от жизни. И всегда в искусстве будет что-то неясно, что-то не найдено, что-то требующее особых решений. Можно сказать, что окончательного ответа на вопрос, что есть истина в искусстве, нет. И в этом счастье искусства, залог его развития, его жизнеспособность. А я как автор не осмелюсь пророчески утверждать, что знаю сокровенную истину на все времена.

ЧЕЛОВЕК с марксистским мировоззрением не имеет права подтасовывать факты в угоду желаемого, опасно — мировоззрение становится фальсификацией. А в Вашей статье мне пришлось постоянно сталкиваться с тем, как вы с обидной недобросовестностью используете материал романа. Маленький пример. «Он, — пишет Вы про Федора, — и парнишку Виктора, когда тот в мальчишеской запальчивости ляпнет, что таких хулиганов и тунеядцев, как Лешна, стрелять надо, с Гитлером сравнит...» Неправомое сравнение? В вашем пересказе — да. Вы просто «забыли» упомянуть, что возмущение Виктора из ненависти к хулигану перерастает в ненависть общечеловеческую: он жалеет, что не взорвалась в их дворе фугаска, не убила всех, в том числе и родную мать, он хотел бы собрать войска, ездить из города в город, стрелять без жалости... Вы не упомянули как раз то, что оправдывает сравнение с фашизмом. И все это ради того, чтобы показать Федора проповедником смиренности. Другому показать трудно, но ей-ей, и это не метод.

Мировоззрение. Вы его представляете чем-то застывшим, а застывшие взгляды непременно становятся догмой. Классики же марксизма предупреждали, что наше учение не догма, а руководство к действию, творческое действие и догматизм для них не совместимы.

Извините за невольную резкость.

Уважающий Вас
В. ТЕНДРЯКОВ